

Тимофей Костин

Страна нераскрытых преступлений

Глава первая. Университет в облаках

За широким панорамным стеклом медленно прокручивался пейзаж — безусловно, живописный, хотя наблюдатель с тонкой душевной организацией, вернее всего, отметил бы в нем мрачноватые нотки. Невысокие кряжи с редкими скальными останцами густо поросли щеткой темного хвойного леса. В лучах уже невысоко стоящего августовского солнца взблескивали узкие серпы озер или водохранилищ, подпертые замшелыми бетонными плотинами. Развалины по берегам уже покрылись молодой порослью, выглядящей с километровой высоты подобно мху, и оттенки ржавого металла постепенно тонули среди мягких зеленых тонов.

Четко очерченная рыбообразная тень дирижабля солидно переползла узкую долину, скользнула по кирпичным опорам высокого виадука и старым отвалам горных разработок. За ними в склоне загадочно зияли черные дыры входов в шахты и ржавые механизмы, напоминающие с высоты сооружения из дырчатого железного конструктора, которым я играл в детстве.

Смотреть вниз было куда интереснее, чем слушать лекцию, и я зашуршал свисавшей из горшка и заслонявшей обзор плетью роскошной актинидии коломикта с оранжевыми цветками. Я был не одинок — не менее десятка голов повернулись от окна к грифельной доске, которую стерегли по сторонам совы резного дерева — символы мудрости — когда старый Флобер строго кашлянул и заговорил тем голосом, которым обычно выделял параграфы, что непременно будут на экзамене. Пришлось сосредоточиться и слушать.

— За время обучения и в средней школе, и на первых двух курсах высшей школы вам прочитали немало курсов по истории. Речь шла о первобытности, истории древнего мира, классических цивилизациях, средневековье, Возрождении, новом и новейшем времени. Насколько вы усвоили эти знания — другой вопрос, который мы проясним на ближайших экзаменах, — профессор усмехнулся в седые усы, с удовольствием слушая волну смущенных смешков.

Конечно, Флобер вряд ли мог напугать студентов других колледжей, которые также слушали эту лекцию — здесь присутствовали слушатели четырех престижных высших учебных заведений нашей благословенной республики — но нам, студентам Йеля, следовало поостеречься. История никогда не считалась в системе

образования самым востребованным из гуманитарных предметов, но въедливый профессор полагал по-другому. Даже те, кто не интересовался историей вовсе, не рисковали вызвать его неудовольствие. Флобер мог попортить крови на семинаре, вгоняя нерадивых студентов в краску безжалостными комментариями.

— Боюсь, вы нечасто задумываетесь об этом, но окружающий нас современный мир — результат долгих и сложных, порой даже бурных исторических процессов. Далек не всегда он был таким, каким предстает перед нашими с вами глазами — счастливым и процветающим. Важнейшей вехой стало перемещение просвещенного монархического строя, гармонично дополненного парламентскими традициями, а также лучших аристократических и интеллектуальных элит из охваченного эпидемиями и религиозной враждой Старого мира в Новый, в результате которого и образовалась наша с вами богоспасаемая Либерия. Это дало огромный толчок в достижении всеобщего мира, развития демократии, политических и экономических свобод — но важно помнить, что человечество далеко не всегда пользовалось их плодами. Теперь нам сложно представить, как жестоко раньше люди относились друг к другу, как хищнически они разграбляли природные богатства нашей несчастной планеты.

Ныне, в эпоху полного разоружения, мы уже не можем представить себе то безумие межгосударственных войн и насилия, которое, подобно проказе, разъедало мир всего пятьдесят лет назад.

Флобер даже пристукнул кулаком по кафедре, подчеркивая свои слова.

— Счастливого настоящего не должно заставить нас забыть о том, какие неисчислимые жертвы пришлось принести нашей цивилизации на алтарь победы в борьбе против сил зла и регресса. Даже закончившаяся семьдесят лет назад чудовищная и бессмысленная Мировая Война не отвратила безответственных милитаристов от коварных замыслов. Потерпев поражение в первой попытке, они не оставили намерений задушить свободу всех народов мира и погубить робкие ростки демократии. Важно помнить, что мы бесконечно обязаны отважным воинам и полководцам, рачительным промышленникам и талантливым конструкторам. Но даже миллионы погибших не стали достаточным уроком для тиранических режимов Старого Света и их военщины. Началась подготовка к новой агрессии, и невозможно было предсказать, кто вышел бы из схватки победителем, если бы не Науфрагум.

Профессор помолчал, бросил взгляд в панорамное окно, на проплывающие внизу

развалины, и продолжил, тяжело чеканя слова:

— То, что случилось на пороге новой мировой войны, ровно пятьдесят лет назад, называют всепланетным катаклизмом, катастрофой Северного Сияния или просто Апокалипсисом. Но я хочу напомнить, что в первую очередь это было преступление. Преступление против человечества. Как еще расценить вызванную руками людей — хотя правильнее было бы сказать, руками безумцев — гибель трех четвертей населения Земли? Более трех миллиардов человек канули в небытие за одну ночь в результате воздействия неизвестного изучения, распространившегося практически на все Восточное полушарие, исключая высокие широты. Можно предполагать, что это изучение имело электромагнитную природу, если судить по наблюдавшимся по всей планете в течение нескольких месяцев после катастрофы северным сияниям беспрецедентной мощности. Виной всему стал неудачный эксперимент с оружием массового поражения, который безрассудно проводили военные Гардарики. Какая ирония, не правда ли? Их убило то, что они готовили на погибель свободному миру и союзу стран, который возглавляла противостоящая им Либерийская империя. К сожалению, эти безумцы вместе с собой уничтожили и все население материка, включая страны, которые сохраняли нейтралитет или были

противниками Гардарики. Мы скорбим о невинных душах, но нельзя не видеть в этом определенную историческую справедливость. Лишь чудом не погибнув полностью, человечество получило жестокий урок — нельзя попустительствовать агрессорам, нельзя ждать, пока ядовитые ростки пойдут в рост. Именно тогда был заключен пакт о всеобщем разоружении, навсегда исключивший возможность появления режимов, желающих развязать войну, и установивший на планете долгожданный мир.

Флобер повел рукой в сторону окна.

— Здесь, прямо под нами, печальные руины страны, уничтоженной собственным народом. Развалины вражеских цитаделей, где диктаторы строили свои замыслы, намереваясь задушить свободу всех народов мира; арсеналы, где их рабы ковали оружие; казармы, где они собирали своих солдат. Все это стало историей, все развеяно по ветру. Итак, вы поняли меня? Одна из целей нашего путешествия-экскурсии — продемонстрировать вам воочию следы великой катастрофы, долженствующие послужить предостережением.

Строго обведя взглядом студентов, профессор перевернул страницу и откашлялся.

— А теперь перейдем к следующей теме...

Деловитый скрип перьевых авторучек почти

перекрыл легкий гул, доносившийся из вынесенных моторных гондол. Кратко, одними заголовками законспектировав то, что и так мог бы без труда процитировать на память, даже если меня растолкать среди ночи, я поднял голову, потянулся и осмотрелся, пока остальные студенты трудолюбиво записывали. Невозможно было не поражаться роскоши нашего летающего трансконтинентального дворца. В самом деле, разве можно сравнивать хрупкие этажерки аэропланов, истошно визжащие перефорсированными карбюраторными моторами и отхаркивающиеся касторовым маслом, и могучий дирижабль длиной более трехсот ярдов, движущийся плавно, но неуклонно, днем и ночью, небрежно поглощая тысячи миль?

Парящий в небесах уступчатый салон-аудитория почти не уступал размерами старому, украшенному резными готическими башенками и контрфорсами залу в учебном корпусе Йеля, где мы, студенты второго курса, обычно слушали лекции по гуманитарным наукам — надо сказать, даже летом там было весьма зябко. Но сейчас вместо жадно поглощающих тепло каменных стен нас окружали переборки серебристого летучего металла — алюминия, украшенные вышифованными узорными цветочными гирляндами и арматурами.

По уху легонько щелкнул бумажный катышек. Я обернулся и исподтишка показал язык рыжей нахальной девчонке — которая, увы, не уставала отравлять мне жизнь с самого розового детства. Алиса, ехидно ухмыляясь, прошептала, наклонившись с соседнего места:

— Витай, витай в облаках. Нахватаешь двоек в третьем семестре, и накрылась твоя магистратура на инженерном факультете. Вдруг не пройдешь по конкурсу? Вот горе-то, вот несчастье будет!..

Опять издевается. На самом деле, та специализация, где я намеревался приложить свои скромные силы после общего курса университета, не была чрезмерно популярной. Ну, скажите, много ли в наши времена найдется желающих возиться с железками, изучать сопротивление материалов и теорию машин и механизмов — зубодробительную науку, носящую среди студентов-механиков устрашающее название «Тут моя могила». Думаете, у меня будут там конкуренты? Много найдется желающих? Будет огромный конкурс? Ой, едва ли. Хорошо, давайте будем честны — я прекрасно знаю, что не блещу особыми способностями, но трезвый взгляд на вещи — одно из моих немногих достоинств. Что поделаться, раз я обделен художественными задатками, которыми преисполнены окружающие меня однокурсники. Мне не под силу связать пару слов в изящный стих

или прозу. Холст и краски (поле, где, кстати, весьма неплохо выступает Алиса) у меня вызывают приступ онемения локомоторных функций пальцев, не говоря уже о фортепианных клавишах или звонких струнах; уроки изящных искусств и музыки — для меня настоящая пытка. Ораторское искусство, красноречивые диспуты — еще хуже. А философия и юриспруденция — вообще, туши свет. Единственная отдушина — естественнонаучные предметы. О, физика! В мире рычагов, импульсов, ньютонов и джоулей душа отдыхает, а кислые лица соседей, с трудом продирающихся через частоколы элементарнейших физических задачек, которые я щелкал как орешки еще в школе, вызывают определенный моральный подъем. К сожалению, на один правильный (по моему скромному мнению) урок приходится три неправильных. Альма-матер переполнена адептами изящных искусств и философии, а учебная программа строго настаивает на том, чтобы все выпархивающие в свет птенцы — даже те, кто займется не самыми престижными прикладными и техническими науками — получали основательную гуманитарную подготовку. На то имелись серьезные причины. Кто же не помнит, к каким грустным событиям привело безрассудное увлечение естественными науками, вторжение в области, где человеку не стоило бы распускать руки? Подобное не должно повториться,

теперь все будет по-другому — гармоничная личность должна чутко осознавать красоту окружающего мира и то, насколько неразумно пытаться его перекраивать. Разве может это привести к чему-то хорошему?

В целом, я, безусловно, согласен. Но что делать, если меня с пеленок неудержимо тянуло к железкам, начиная с утюгов, неизменно обжигающих, и заканчивая пишущими и швейными машинками, так ловко защемляющих чрезмерно любопытные пальчики? Увы, болезненные уроки не пошли впрок, и отец, скрепя сердце, вместо флейты принес мне игрушечную детскую дорожку. О-о-о, это было настоящее чудо, волшебное откровение. Восхитительно сложные переплетения пружинок и рычажков, толкающие увесистые паровозики по миниатюрным рельсам — я пропал для окружающего мира, погружившись в уютный механический мирок. Следующим моим подвигом стала демонтированная к ужасу матери старинная музыкальная шкатулка. Не падайте в обморок — она была немедленно собрана обратно и стала работать еще лучше (еще бы, дохлая мышь среди молоточков ничуть не улучшает звучания!). Увы, вместо заслуженных, казалось бы, похвал ко мне вызвали доктора. Он похмурил кустистые седые брови, солидно прочистил горло и прописал фитотерапию и музыкальные уроки,

долженствующие отвлечь ребенка от низменных железок и привить ему любовь к прекрасному. Жизнь моя на время стала нелегка. Хотя барабанить гаммы я научился довольно быстро, полнейшее отсутствие интереса к нотам и неумение отличить фа от ля привело в итоге к сердечному приступу у мадам преподавательницы, и я был изгнан с позором — то есть, с моей точки зрения, получил желанную свободу.

Кого же за это поблагодарить? Мамочка, спасибо тебе за мое нелегкое детство — надо же пристроить ребенка в настолько неподходящее учебное заведение. Ах да, престиж. Ну, конечно, нам, аристократам, потомкам древних родов не пристало марать руки низменными материями. Не то, чтобы фамилия Немировичей котировалась чрезмерно высоко, требуя блюсти фамильную честь до судорог, но все же, несколько затесавшихся в родословную генералов и министров заставляли потомков держать определенную планку.

Я не стал излагать все эти соображения Алисе — подружка детства и так была в курсе. Не могу сказать, считала ли она меня блаженным дурачком на самом деле — наверное, все-таки нет, ибо знала, как облупленного, но продолжала со мной общаться. Конечно, никогда не упуская случая подпустить шпильку по поводу моей будущей низменной инженерной карьеры. Сама она,

безусловно, могла взирать на меня с сияющих высот юридической специализации. Как она смеялась на прошлой неделе: сделав блестящую карьеру, она сумеет защитить неразумного, когда рухнет сконструированный мною мост, и по мою душу явятся злые законники. Едва ли я стану проектировать мосты — мне все же значительно интереснее движущиеся механизмы, хотя... да ведь и мосты бывают совершенно невероятные. Вот хотя бы этот!

Действительно, внизу неторопливо проплыл соединяющий крутые стенки ущелья железнодорожный мост. По дну ущелья, среди высоких отвалов и порталов тоннельных шплеков тоже стелились красные от ржавчины ниточки рельс. Центральная же секция моста выглядела необычно: судя по всему, она могла перемещаться вертикально, как бывает у некоторых разводных мостов. Только там тысячетонная стальная конструкция уходила вверх, чтобы освободить дорогу проплывающим под мостом судам, здесь же она опускалась, попадая точно на поворотный круг, расположенный на уровне земли. Очевидно, таким остроумным способом здесь решили проблему соединения перпендикулярных железнодорожных веток. Интересное инженерное решение.

— Опять прилип к стеклу. Что же ты там увидел такое? — лениво поинтересовалась Алиса.

— Ты только посмотри на эти чудеса! Здесь, наверное, только в одном промышленном районе больше железнодорожных путей, чем у нас во всей Либерии. И это еще простые шахты, а ведь нам обещали показать подвесной мост через Айзенэрц-каньон. Смех-смехом, а высочайший и длиннейший в мире. Представляешь, до дна ущелья три тысячи шестьсот футов, а длина почти две мили. «Хандерт Пфейле Брюкке» — одно из семи технических чудес света.

Алиса, похоже, решила подразнитья.

— Отличное местечко, чтобы прыгать несчастным влюбленным, которым родители не позволяют воссоединиться. Взявшись за руки... ах, как романтично!

— Не знаю уж, что романтичного ты находишь в лепешках, но только представь, как по мосту пролетали скоростные экспрессы «Серебряная пуля» — и пересекали континент всего за пять дней, все восемь тысяч миль. Электрические, заметь, а не на паровой тяге. Сто миль в час! В Новом свете никогда не было ничего подобного даже в проекте!

— Хочешь сказать, отмороженные солдафоны обставили самую передовую страну света? Да еще пятьдесят лет назад? Не говори никому, а то на смех поднимут. Гардариканцы ведь только и умели, что строить свои кошмарные пушки и

набрасываться на всех соседей без разбору!

— Ну, не знаю. Эти железные дороги, эти шахты — что-то просто невероятное. Десятитомная «Техническая энциклопедия» на четыре пятых состоит из конструкций, выдуманных и осуществленных в Старом свете. Между прочим, характерные А-образные опоры этого самого моста, про который я толковал, ты уже кое-где видела.

— Где же?

— На заднике во втором акте того самого подозрительного мюзикла, на который меня заставила сходить бабушка. И от которого ты была в таком странном восторге.

— В «Белой птице» Метерлинка-младшего? Правда?... — Алиса подняла брови. — А-а-а, вспомнила, кажется. Это когда соратников Императора погубили Электрические змеи? Волшебный был момент, что и говорить. Какая светотехника! Так и стоит перед глазами — круговерть ослепительных вспышек во мраке, извивающиеся полуобнаженные тела, острые фосфоресцирующие клыки... мужественные мускулистые соратники в медных шлемах с плюмажами из перьев и в коротких туниках...

— Вот скажи, почему режиссер изобразил их в виде древнегреческих гоплитов и с голыми ногами, да еще и заставил намазаться маслом? Совершенно нездоровые ассоциации возникали,

честное слово.

— Красавцы, красавцы были!

— Разве что на женский вкус. Змеи-то еще ладно, танцовщицы и в самом деле были неплохи. Двигались профессионально, гнулись, как резиновые, будто без костей. И бросались и жалили красиво — вылитые кобры...

— ...А главное, были должным образом раздеты и трясли телесами. Потому-то тебе и понравились, — проницательно заметила Алиса. — Не зря же ты хлопал стоя и кричал «браво!»

— ...Только в этом акте! — несколько покраснев, попытался защититься я. — И потом, в первую очередь я аплодировал исторической достоверности.

— Сочиняй, сочиняй. Что за чушь? Электрические кобры?... Откуда?! Про морских скатов я слышала, конечно, но электро-змей не бывает, даже мне прекрасно известно.

— ...И это говорит высокохудожественная натура! Зная репутацию Метерлинков — что папаша, что сыночка — неужели не узнала аллегория?

— Аллегория чего? Их что там, упавшие провода били током? Что-то я не помню такого из учебника истории. Подожди, там и было всего пол-абзаца, что-то вроде: «спасательному отряду пришлось преодолеть множество опасностей,

включая пожары и обвалы, в которых погибли почти все соратники Императора, кроме наследника Максимилиана...»

— Да уж, зубрить учебник ты умеешь. Правда, подумать дальше своей головой или поинтересоваться глубже тебя уже не хватает. Впрочем, в данном случае вина не твоя — даже у Моммзена и Бергсона в «Истории Науфрагума» тема практически не раскрыта. Ни Император, ни Максимилиан про путешествие не распространялись. Можно понять — по сравнению с ним переправа через Стикс выглядит катанием на лодочке в парковом пруду. Представь уничтоженную страну, где тебя встречают лишь миллионы мертвецов...

— Бррр... — поежилась Алиса. — Опять тебя понесло в затхлые подвалы истории. Но не старайся меня запутать, я отлично все слышала. Раз ни император Траян, ни Максимилиан ничего не рассказывали, откуда взялись электрические кобры? Богатая фантазия Метерлинка-младшего?

— Ты удивишься, но нет. Теперь я могу сказать точно... и кстати, — я задумчиво взялся за подбородок, — ... а откуда он-то мог об этом узнать? Сразу и я не понял, просто еще не успел дочитать до этого места... ммм...

— О чем узнать? Э-э-эй, проснись!.. — Алиса потянула меня за рукав.

— ...О том, что в действительности произошло на мосту «Хандерт Пфейле Брюкке», — я со значением поднял палец. — Чтоб ты знала, когда спасательный отряд добрался дотуда, выяснилось, что все еще хуже, чем на предыдущем перегоне. Раньше-то пути просто перегородил догорающий скорый поезд, который врезался в товарный состав из цистерн с газойлем. Кошмарная мясорубка и пожар, написано, что пахло, как... как на кухне, где хозяйка пережарила свинину. И, представляешь, император молча вышел вперед, надел противогаз и потащил ручную дрезину через пламя. Остальным стало стыдно и ничего не осталось, как следовать за ним.

— Фу, нашел, о чем рассказывать перед обеденным перерывом... — Алиса сморщила носик, но в глазах ее загорелся интерес. — ...Ну, это было же до моста, так? А что потом? И где змеи?

— Слушай дальше. Через несколько миль был мост. Что-то выглядело неправильно, и осторожный Максимилиан отправил вперед двойку разведчиков-ситков. Стоило им отойти от входного портала на пару сотен футов, как их убило блуждающими токами. И выглядело это именно как бросок электрической кобры — ослепительный зигзагообразный разряд прыгнул со стального пилона и ужалил насмерть. Тела обуглились так,

что разведчиков невозможно было опознать.

— Ужас! Получается, электрические змеи — аллегория этих твоих... блуждающих токов?

— Почему моих?

— Это же ты про них разузнал откуда-то и теперь гордишься, что вся остальная публика не в курсе... так постой, выходит, и дальнейший сюжет Метерлинк-младший не из пальца высосал?...

— Ну, если ты про содом и гоморру, которые он устроил дальше...

— ...А-а-х, подумать только, — жарко зашептала Алиса. Видимо, ее воображение опять захватили те фантазмагорические образы. Глаза подернулись романтической поволокой. — ...Неужели Император и взаправду вот так величественно зашагал вперед, на Электрических змей? В лавровом венке, с мускулистым обнаженным торсом, звеня цепями...

— Эй, брось свои эротические фантазии. Траян действительно пошел первым, и даже цепи были...

— ...Правда?! Вот видишь!!!

— ...Он надел водолазный трехболтовый шлем, резиновую рубашу и резиновые боты, как у электрика, и потащил за собой цепи для заземления. В точности как Геракл. Крепкий был мужчина, не отнять.

— Для заземления?... Это как?

— А вот так — искрило, как при электросварке. Но никаких обнаженных торсов и лавровых венков. Императору удалось снять электростатику и разрядить мост, и уже в самом конце его все-таки обожгло разрядом и выбросило с моста, он повис на замотавшейся цепи, и тогда...

— Точно!.. В мюзикле его спас тот красавец, которого играл Фелицио Рунка. Как его... лейтенант Ромеро, что ли? И потом наследник, принц Максимилиан, приревновал его к отцу, потому что сам неровно дышал к Ромеро...

— ...А вот за эту гомосятину разбить бы Метерлинку рожу. Все наврал, мерзавец!

— Неужели? — Алиса обиженно надула губы. — Но это же так романтично... и так модно!..

— ...В гробу я видал эту вашу романтику мужской любви! Паскудник просто решил поиграться — мало ему галлюциногенных танцев, так еще и восторженных девочек решил привлечь своими погаными намеками. Что вы вообще находите в обнимающихся мужиках?!

— Не в мужиках, а в возвышенных утонченных юношах! Находим тонкость, нежность и изысканность запретных чувств, вместо вашего традиционалистского скучно-гетерогенного волочения за юбками! А-а-а, тебе все равно не понять, ты старомодный, как Ноев ковчег.

— Наверное. Потому-то даже танец

Кокаинового пузырька с антропоморфным Шприцом из следующего акта меня не заставил визжать от восторга.

— Но это же такой постмодернизм! Просто чудо, как пикантно!

— Тьфу! Вот как вернемся, все же соберусь, и вызову писаку на дуэль, или хоть окна ему в особняке побью, — прорычал я.

— Поэты не живут в особняках!

— Ну, в мансарде побью.

— А что ты так возбудился? В принципе, я соглашусь, что большая часть мюзикла — наркотический бред, мистерия и фантасмагория, но чем он тебя лично так обидел?

— Знала бы ты, кого он вывел под этим слащавым лейтенантом Ромеро, не удивлялась бы.

— И кого же?

— Деда, деда моего! Чтоб ему провалиться, твоему Метерлинку!

Алиса вытаращила глаза.

— ...Д-деда?

— Ну да!

— Это... мужа бабушки Виолетты? Который умер совсем молодым, и никто никогда его не видел? Но, погоди, кажется, она сама мне как-то обмолвилась, что тот твой дедушка простудился и умер от горячки.

— Я и сам что-то такое вспоминаю —

интересовался про него еще будучи малышом. Видимо, тогда она решила не объяснять ребенку такие сложные вещи, и сочинила отговорку. Но теперь вдруг выясняется, что все было совершенно не так. Представь, какой сюрприз — узнать, что дед участвовал в том самом злополучном походе.

— ...И оказался одним из соратников Императора и наследника?

— Выходит, так.

— Чудеса! Так лейтенант Ромеро — это как раз он? И это они самозабвенно танцевали с принцем Максимилианом — обнаженными, в лунных лучах, среди кружащихся лепестков роз?... — Алиса молитвенно сложила ладони и ненатурально закатила глаза, изображая экстаз.

— Тьфу! Сейчас оттаскаю за ухо, — яростно зашипел я, а она покатила со смеху.

— ...Ну ладно, ладно! Посмеяться уж нельзя. Раз на свет все же появились Святослав Немирович — твой папочка, и наследник принца Максимилиана — Ричард Тюдор, я охотно поверю, что дедушки и в самом деле придерживались традиционной ориентации. А Метерлинк-младший перекушал своих творческих грибочков и был к ним несправедлив. Или, может быть, просто не в курсе событий?

— Черт его знает, в курсе или не в курсе, но насчет отношений дедушки Гойко и принца

Максимилиана он все поставил с ног на голову. Вряд ли там были страстные танцы. Уж скорее они бы волками смотрели друг на друга. На самом деле, представь себе, они соперничали за руку бабушки Виолетты. И легко догадаться, что принц остался с носом. Еще до похода, разумеется.

— Ничего себе! — ахнула Алиса. — Слушай, а бабушка Виолетта не нафантазировала, случайно? Принцы к ней в очереди стоят... не много ли чести?

— Вот об этом я узнал вовсе не от нее, так что вряд ли. Кроме того, она в молодости действительно была популярна, и, видать, неспроста. Ведь не стал бы весьма известный, а некоторыми именуемый даже и великим Дюрер просить ее позировать, будь она уродиной? Можешь, между прочим, сходить в галерею изящных искусств Конгресса и полюбоваться. Бабушка там в виде нимфы. Несколько раздета, что есть, то есть.

Алиса удивленно расширила глаза.

— Не знала.

— Вот теперь знай и цени славный род Немировичей, — с некоторым самодовольством заметил я, но потом добавил, — ...и Спенсеров, конечно. Бабушка ведь из них. А принцы, как видишь, нам по колено. Не стал бы дедушка с ним лизаться, как выдумал этот чертов писака.

Правда, Алиса уже не слушала — ее

воображением снова завладела тема страстей, кипевших полвека назад.

— Получается, простой лейтенант бортанул принца? Да еще столь великолепного, как Максимилиан Тюдор?

— Ага. Видать, и дедушка Гойко был не промах. Жаль, что мне не довелось подергать его за седую бороду.

— А если бы бабушка решила по-другому, в твоих жилах текла бы кровь Тюдоров?

— Не исключено.

— И ты так легко об этом говоришь! А я же всегда мечтала, чтобы за мной ухаживал принц! — схватила за голову Алиса. — Придется записать в длинный список разочарований, которые ты мне доставил, противный!

— Ну, извини. Тем более что это был бы уже кто-то совсем другой, — хмыкнул я. — Да и все равно, ухаживать за тобой не собираюсь.

— Конечно, у тебя ведь полно более важных дел, — презрительно фыркнула Алиса. Кажется, она слегка обиделась. — Копаться в никому не нужных делах минувших лет и наезжать на модного драматурга. Ну и что, что авангардист? Может быть, он так видит! Вообще, что-то мне сомнительными представляются твои рассказы. Откуда ты взял, что все было так, а не иначе? Я ведь правильно поняла, что тебе не бабушка

Виолетта рассказала? Может быть, Метерлинк-младший и прав был? Разведчики ведь и вправду поджарились.

— Я бы на твоём месте не стал иронизировать. Такой смерти врагу не пожелаешь.

— Да это же были не красавцы лейтенанты, и даже не принцы! Кому интересны какие-то разведчики, да ещё и из туземных войск?

— Что-то имеешь против туземцев или ситков? Они отличные ребята.

— Ага, кому и знать, как не тебе, — сморщилась Алиса. — На мой взгляд, ты многовато с индейцами якшался, раз привык к их запаху! И с индианками.

— Запах ей не нравится, видали! — рывкнул я, едва сдерживая внезапно вспыхнувшую ярость. — Многие индианки дадут сто очков вперед зловредной высокомерной стерве вроде тебя.

Алиса, похоже, заметила, что я рассердился не на шутку, и сбавила тон, заговорив с ноткой виноватости.

— Ну, прости, если обидела твоих ненаглядных ситков. Не думала, что ты так близко к сердцу примешь. Они же и правда мажутся медвежьм жиром и редко моются.

— Да ну тебя, — махнул я рукой, раздраженно отвернувшись к окну, за которым все так же прокручивалась в туманной дымке странная,

огромная и пустынная страна со скалами, терриконами и шахтами... и вдруг неожиданно встретился глазами с девушкой, которая смотрела на меня со следующего полуциркульного ряда парт, ступенькой выше нашего.

Густые волосы цвета спелой пшеницы, водопадом ниспадающие до тонкой талии, гордая посадка головы, прямой взгляд огромных зеленых глаз. Она была не из нашего колледжа, и по черному с золотом форменному пиджачку я узнал Пембридж. Незнакомка смотрела на меня пристально, не отводя глаз, со странным выражением. Не понял. Чем это скромный студент Йеля мог привлечь такое внимание? Мы с Алисой слишком громко шептались? Почувствовав неловкость, я поежился и отвел взгляд, повернувшись к кафедре, откуда Флобер продолжал свою речь.

Наполняющие амфитеатр студенты в разноцветных форменных мундирах внимали преподавателю без особого интереса. Среди зеленоватых цветов Токсфорда, серых оттенков Йеля и лазурных — Китона благородно выделялись вкрапления черных униформ Пембриджа. Студентов этого колледжа было меньше, чем остальных, и не удивительно, ведь Пембридж — гнездо высшей аристократии нашей богоспасаемой республики, которой — по идее — не полагалось

бы при парламентском демократическом строе иметь такой вес и так задирать носы. Времена империи миновали, но, как и полвека назад, во власти заправляют все те же люди. В обычные времена нам не пришлось бы вот так вот, панибратски перемешаться с заносчивыми пембриджцами, но тем-то и хороши семинарско-экскурсионные циклы, что в путешествии волей-неволей сближаются не только наши собственные учебные группы, но и студенты разных колледжей. Демократия в действии, так сказать. Не то, чтобы на великолепном «Олимпиаке», вмещающем миллион кубометров гелия и имеющем грузоподъемность в тысячу тонн, было тесно. Великолепные парадные залы, ресторан-оранжерея, двух или четырехместные каюты со всеми мыслимыми удобствами, прогулочная палуба с фонтанами — невероятная роскошь дирижабля поражала воображение даже выходцев из аристократических фамилий средней руки, вроде нас с Алисой. Но общие лекции и семинары, совместные трапезы в пронизанном солнцем и воздухом стеклянном пузыре ресторана-оранжереи, где под прозрачным полом проплывали незнакомые пейзажи, вечерние рауты и балы — хочешь, не хочешь, лицеисты разных колледжей начинали общаться, оставив на время свою гордыню и спесь. Даже пембриджцы уставали

фыркать на токсфордцев, китоновцев и йельцов, и задирать носы — в конце концов, две недели, проведенные в одних и тех же аудиториях и залах, привели к заметному смягчению нравов.

Мелодичный звонок отметил конец академического часа, посвященного новейшей истории, и мы с Алисой в потоке других студентов вышли в высокий вестибюль.

— Слушай, а ты не в курсе, случайно, что это за девушка в пембриджской форме сидела у нас за спиной? Так странно смотрела, я уж подумал, что у меня на лице что-то. Если бы не помнил точно, что не дремал на лекции, то решил бы, что ты меня опять разрисовала тушью и помадой.

— Студентка из Пембриджа? Смотрела на тебя?... — удивилась Алиса. — Я не обратила внимания. Но если бы и обратила, тут столько незнакомых лиц, куда уж там запомнить. Да и не привиделось ли? Сдается мне, Золтик, вокруг тебя слишком много фантазий в последнее время. То за бабушкой принцы ухаживают, то с самого незнакомки глаз не сводят... неужели к вечеру скажешь, что в гарем прием закончен, кто не успела, та опоздала? — со странной задумчивостью во взоре протянула она.

— Какой, к черту, гарем?

— Ну-у, такой, уютненький, не большой, и не

маленький... штушки на четыре или пять...

— По-моему, ты бредить начала от переутомления, Алиска. Я тебе про вполне конкретные вещи, данные в ощущениях, а ты про каких-то стародавних принцев, про какие-то гаремы.

— ...Или про принцесс. Вот скажи лучше, тебе бы хотелось, чтобы в тебя влюбилась принцесса?

— Зачем?

— Что значит, «зачем»?

— Зачем какой-то гипотетической принцессе в меня влюбляться?

— А зачем люди вообще влюбляются? Сердцу не прикажешь, и все такое... нет, ты не сбивай меня, глупый! Я имела в виду, что любому мужику наверняка было бы лестно, если бы на него обратило внимание существо, неизмеримо высшее, чем сам он, волосатый, вонючий и похотливый. Заполучить принцессу в свои грязные лапы — это же лучший способ самоутвердиться! Скажи еще, что нет!..

Интересно, откуда в словах Алисы эта горечь? Отчего она так злится? Можно подумать, что какая-то принцесса перебежала ей дорожку.

— Это взгляд слишком односторонний, знаешь ли. Если посмотреть чуть пошире, то принцесса, как важное и ответственное лицо, не

должна бы снизойти к кому попало. А уж если, паче чаяния, снизошла, то будь добр — соответствуй. Боюсь, вместе с принцессой на голову свалится и изрядная ответственность. Придется ей, в конце концов, помогать в государственных делах — а это изрядная морока. Так что я — пас, как странно тебе бы это ни казалось.

И снова у меня не получилось прочитать загадочный взгляд, которым меня смерила Алиса. Нет, напрасно я ее обзываю пустоголовой, какие-то сложные мысли иногда зарождаются и в ее рыжей голове.

Обеденный салон дирижабля, в отличие от чопорного парадного конференц-зала, не столько поражал великолепием, сколько очаровывал уютом. Двухсветный зал напоминал тропический сад. Расположенные на разных уровнях альковы со столиками, окруженные перегородками, сплетенными из усеянной яркими цветами живой лозы, позволяли уединяться небольшими компаниями, а щебет крошечных попугайчиков и звон струек небольших декоративных водопадов и фонтанчиков приглушал голоса, обеспечивая приятную конфиденциальность. Неслышные стюарды и стюардессы в белоснежных мундирах моментально пополняли запасы деликатесов, на которые обращали свое благосклонное внимание

изголодавшиеся от сухой науки студенты. Впрочем, пищей духовной здесь нисколько не пренебрегали — за шелестящим ароматным занавесом из зеленого плюща выводила романтические трели скрипка, а в противоположном алькове какой-то студент с длинными серебристыми волосами, опустившись на колено перед тонкой брюнеткой с огромными темными глазами, с жаром декламировал что-то, кажется, из Китса:

О, если б вечным
быть, как ты, Звезда!
Но не сиять в
величье одиноком,
Над бездной ночи
бодрствуя всегда,
На Землю глядя
равнодушным оком -
Когда не греет
хладный мой очаг
И безотраден мыслей
хоровод,
«Глаза души» —
унылый саркофаг -
Лишь брэнность
мира видят в свой черед, -
Надежда, возроди
угасший пыл

Легчайшим взмахом серебристых крыл¹!

Право, находиться здесь, в артистической атмосфере, сдобренной ароматом романтики и поэзии, было куда приятнее, чем в соседнем курительном салоне, куда меня едва было не уволок приятель Бернар. Истые джентльмены не мыслят себе отдыха без кожаных диванов и столиков под зеленым сукном. Там преимущественно восседали надутые от сознания собственной важности и благородства пембриджцы — вылитые состоятельные кроты, ведущие глубокомысленные беседы о биржевых курсах и скаковых лошадях — а так же те, кто желал быть на них похожим. Уж простите, я выбрал более дружественную атмосферу, поскольку на студентов и студенток факультетов искусств Йеля смотреть было все же несколько приятнее. Поэтому я позволил Алисе утащить себя в салон-ресторан.

Все вышло, как я и думал. За одним из столиков, пристроившимся под развесистыми ветвями цветущего душистого жасмина, Алису поджидали подружки. Поскольку в стенах родного колледжа я не имел привычки обедать вместе с

---

¹ Дж. Китс, «К звезде». 1820.

Алисой — да и далековато было бы добираться от моего инженерного корпуса — то был знаком с другими студентками лишь мельком, по редким случаям, когда случайно натыкался у ворот на звонко щебечущую стайку девушек с факультета искусств. Если так случалось, Алиса ловко перехватывала меня и даже пару раз умудрилась затащить в ближайшую кофейню. Надо думать, чтобы продемонстрировать подругам дивное, редкое существо с самого малочисленного факультета, где царил строгий патриархат — студента-механика. Среди прочих студентов мы пользовались славой замшелых отшельников и угрюмцев. Стоит ли удивляться тому, что в ответ на шушуканье, сдавленные смешки и только что не тыканье в меня пальцами однокурсниц Алисы, одетых в пиджачки с эмблемами, изображающими арфу, лиру или весы, я чувствовал себя на чужой территории, испытывал по большей части раздражение и старался как можно скорее улизнуть. Положа руку на сердце, не могу сказать, что мне претит женское общество, но я бы, конечно, предпочел выбирать время, место и собеседниц самостоятельно. Или хотя бы не выглядеть загадочным заморским зверьком в клетке, интерес к которому Алиса умело использовала, чтобы придать себе веса в глазах подруг. Наверное, я мог бы вести себя и более дружелюбно, если бы у нас

нашлись хоть какие-то нормальные темы для разговора, но — увы. То, что интересовало девушек из круга Алисы, как правило, мне было чуждо и безразлично.

С другой стороны, сейчас ситуация несколько изменилась. Общий приподнятый, я бы даже сказал — курортный настрой заставлял смотреть на вещи несколько проще. В конце концов, среди подружек Алисы было несколько весьма симпатичных девушек, и, если иметь дело не со всеми сразу, я бы, пожалуй, не отказался пообщаться с некоторыми из них поближе. Вот, к примеру, стройная голубоглазая брюнетка Марке'тта Дюранд. Слегка волнистые черные локоны выгодно подчеркивали очень белую кожу. Тонкая и изящная, она щебетала несколько реже и тише, чем другие подружки, и, возможно, именно этим привлекла мое внимание.

Сейчас она как раз улыбнулась мне вместе с двумя другими алисиными подружками, когда рыжая хватчица втащила меня в уютный альков со столиком, на котором уже возвышались пирожные, тортик, кофейник и чашечки полупрозрачного мейссенского фарфора.

— Девочки, надеюсь, вы не станете возражать против общества Золтана? Чудовищно неловко вас стеснять, но я просто обязана вырвать его из когтей унылого джентльменства! Мало того, что его там заставят бесцельно погубить пару часов

драгоценной молодости, так еще и своими сигарами провоняют, а я этого совершенно не переношу.

Вот в чем дело. Впрочем, это и естественно — Алиса беспокоилась в первую очередь за себя. Я не придавал таким мелочам особого значения, но вот ее буквально тошнило от запаха табачного перегара. Ладно, как видите, я и не пытался сопротивляться. Даже считая ее излишне нахальной и временами нестерпимо настырной, в данный конкретный момент я не собирался обижать подругу детства отказом.

— Конечно, мы не против, дорогая! — воскликнула Цирцея Эффенбах, высокая девица с соломенными волосами. — Мы же знаем, как ты ценишь господина Немировича! Даже если бы и не знали, то догадались бы — в самом деле, нюхать табачную гарь ужасно неприятно. Особенно с интимно-близкого расстояния.

— Ах, не выдумывай, Цири! — отмахнулась Алиса. — Просто за ним некому присмотреть, поэтому и приходится мне влачить нелегкий крест. Хотелось бы знать, за какие грехи?...

Мне бы тоже хотелось. Впрочем, шанс прояснить этот момент будет — нужно просто спокойно присесть и слушать. Чего-чего, а страдать от натянутого молчания, как за столиками клуба джентльменов, здесь не придется. А что еще лучше, от меня не потребуется практически — лишь пару

раз кивнуть и поддакнуть. Естественно, девяносто девять процентов болтовни будет посвящено шляпкам, цветочкам, кошечкам, пуделям, любовным романам и синематографу, так что нужно сразу настроить фильтр — то есть, попросту пропускать мимо ушей практически все...

— ...Но все же, какие комфортные и удобные эти воздушные корабли! — продолжая прерванную нашим с Алисой появлением беседу, защебетала Элиза Эрсте́д, немного полноватая, но вполне симпатичная на мой взгляд особа, обладательница множества блондинистых кудряшек. — Наверное, и необычайно безопасные, как вы думаете? Ведь в небе нет даже айсбергов, о которые он мог бы разбиться, как «Титаник»! Правда, и романтической истории не получится, хи-хи!..

Хм, удивительно. На этот раз обсуждаемая тема не была столь унылой. Я бы и сам не прочь поговорить о дирижаблях. Но, пожалуй, не в аспекте романтических историй с утопающими в ледяной воде влюбленными.

— Неужели? А я слышала, что в прошлом году дирижабль потерпел аварию, и как раз над Гардарикой. В газетах, правда, ничего не было, — заметила Маркетта, подтвердив репутацию самой эрудированной среди подружек. — Все же мы слишком высоко, чтобы это не действовало на нервы.

— Будет тебе! Если не было в газетах, значит, ничего серьезного и не случилось! Дорогая, ты же не думаешь, что что-то может заставить выбиться из графика этот летающий город? Здесь ведь даже не укачивает, в отличие от пароходов.

Не хотелось бы соглашаться с Элизой, страдающей поспешностью оценок, но «Олимпик» действительно доказал, что по праву занимает место одного из безопаснейших лайнеров либерийского воздушного флота. Двадцатое кругосветное путешествие — как ни крути, это о чем-то говорит. Я слышал про аварии и катастрофы старых дирижаблей, но большая часть из них произошла с военными цеппелинами во время боевых действий, а часть с теми, что были накачаны пожароопасным водородом, а не гелием, как ныне. В любом случае, те дирижабли были намного меньше. С инженерной точки зрения можно смело предположить, что количество наконец-то перешло в качество, подобно тому, как подросшие от каравелл до размеров того же «Титаника» трансатлантические суда неизмеримо прибавили в безопасности. И печальная судьба последнего — лишнее тому подтверждение. Чтобы действительно угробить подобное величественное сооружение, уже мало воздействия сугубо природных факторов, требуется серьезная человеческая ошибка. Пусть исключать ее

полностью нельзя, но статистика убедительно подсказывала — да, современные дирижабли весьма и весьма надежны и безопасны. Кивнув своим мыслям, я потянулся и налил себе кофе.

— На твоём месте, Элиза, я бы так не расхваливала местные удобства, — хмыкнула Алиса. — В моей каюте есть только умывальник, а чтобы понежиться в душистой ванне, приходится идти в термы.

— Надо было тебе выйти замуж за принца, — хихикнула Элиза. — В люкс-апартаментах есть и ванна, и две спальни, и гостиная, и даже индивидуальный балкон.

— Чтобы насладиться этой роскошью, даже замуж выходить не обязательно, — интригуяще понизив голос, намекнула Цирцея. — Говорят, вторая спальня в апартаментах принца Якова вовсе не пустует. Напомню тем, кто не в курсе — он не женат.

— Правда?! А кто же, кто там?... — подпрыгнула Элиза. — Не томи, рассказывай скорее!

— Некая высокая дама в длинном плаще и вуали. Неопознанная, конечно. Я слышала, что она проскользнула ещё в сумерках, до того, как на борт начали подниматься другие пассажиры. Странно, ведь все думали, что у него сейчас роман с какой-то трансильванской певичкой.

— Ах, как «романтично»! — скривилась Алиса. — Уж простите несовременность и замшелость, но я не очень-то одобряю такие отношения. И вообще, ты так сразу и поверила, дорогая? Неужели Яков настолько опустил ся? Честно говоря, я считала его достойным и незапятнанным человеком. Даже наша разнузданная пресса о нем отзывается с уважением, между прочим.

— Ничуть тому не удивлена, — заметила Маркетта, меланхолично крутя на запястье тонкий серебряный браслет с часиками. — Надеюсь, вы не читали о новом скандале в Сенате, на прошлой неделе? И лучше не читайте, чтобы не терять веру в человечество. На фоне развращенных сенаторов принц выглядит ангелом во плоти.

— О да! Так красив, так чист, так благороден! Стоит взглянуть, и сердце трепещет, вот-вот выпрыгнет из груди!.. — сложив руки и устремив глаза к небесам, пропела Элиза. — Ах, эти кудри чистого золота, ах, эти дивные глаза!..

Цирцея засмеялась и подтолкнула ее локтем.

— Уж ты, наверное, не отказала бы принцу, если бы попала под его благосклонный взор?

— Как ты можешь задавать такие вопросы благовоспитанной девушке! Конечно же... — Элиза приложила наманикюренный ноготок к пухлым губам.

— Конечно же?...

— ...Конечно же — нет! Разве нашлась бы девушка, что не готова пасть к его ногам?!

Черноволосая Маркетта покачала головой и покосилась на меня с извиняющейся улыбкой.

— Ах, Лиз, потише. Не то может создаться неверное представление о благовоспитанных девушках. Впрочем, в отношении Якова с тобой можно согласиться. Стоит на него взглянуть, и в самом деле чувствуешь доверие. Да и о текущей в его жилах благородной крови нельзя забывать — вспомни великих предков.

— Ах да! — кивнула Цирцея. — Совсем о них забыла. Спасибо Флоберу, что напомнил. Хотя далеко не все испытывают удовольствие, называя их великими.

— Боже мой, так мы скоро пожалеем о том, что династия Тюдоров отреклась от престола, — сокрушенно добавила Алиса. — Республика республикой, но ведь наши нынешние выборные правители выглядят мелкими и жалкими по сравнению с настоящими, суровыми монархами. Те уж как взваливали бремя ответственности, так и несли его всю жизнь. Разве найдешь среди консулов или сенаторов героев — хотя бы как император Траян? Даже с юридической точки зрения, что делает человека ответственным, контракт на четыре года, или на всю жизнь?

— Я слышала, что сенат решил отменить празднование дня коронации первого из Тюдоров, как излишне монархический выходной, — с легким осуждением напомнила Маркетта. — Его ведь и так давным-давно праздновали скромно и без размаха, кому он мог помешать?

— Еще бы! Наверняка им хотелось бы помнить лишь день Отречения, когда власть упала в руки — делайте все, что пожелаете. Словно строгий отец семейства внезапно обратился и ушел в монастырь, оставив прыщавого отпрыска на хозяйстве, — поддержала Алиса.

— Слышали, кстати, там опять заминают коррупционный скандал. Фу!

— Да и с эстетической точки зрения разве сравнишь упитанных лысых боровов во фраках с величественным монархом на престоле? — вздохнула Элиза и мечтательно протянула: — Как дивно выглядел бы принц Яков в горностаевой мантии!

— Вот только кто составил бы ему пару? — ехидно поинтересовалась Алиса. — Монарху нужна королева, но уж на таких, как вы, он точно не взглянул бы.

— Фу-у-у-у! — все три подружки синхронно показали ей языки.

— Противная ты, Алиса, — надула губы Элиза.

— Вот-вот, — поддержала ее Цирцея. — Я это тебе еще припомню.

Маркетта, напротив, примирительно улыбнулась.

— Не то, что бы мы всерьез верили... но нельзя же разбивать девичьи надежды так жестоко. Подумай, мы ведь можем утратить уверенность в себе. Что ты будешь делать, когда подруги наложат на себя руки?

— Ладно, ладно... — Алиса помахала в воздухе ладошкой. — Но мне вдруг и в самом деле стало интересно, кого бы вы сочли достойной воссесть рука об руку с принцем?

Элиза наморщила чистый лоб.

— Никто не годится. Даже самоуверенные красотки со старших курсов.

— Синдром собачки на сене? — усмехнулась Алиса.

— Чтобы нам было не обидно, нужна настоящая звезда, — предложила Цирцея. — Что вы скажете о Лерилин Лонро?

— Ах, что ты говоришь, Цири! Ведь ей уже под сорок, — поморщилась Элиза. — И вообще, легкомысленные актрисы тут совершенно не при делах. Будто не знаешь, чем там занимаются за кулисами. Поставить их рядом с блистательным принцем? Да ты смеешься.

— Хммм, тогда кого же?

— В стародавние времена дело решили бы перебором подходящих принцесс в окрестных королевствах, — подбросила идею Алиса. — Только теперь не осталось ни королевств, ни принцесс. Дочки нексиканских президентов, которые сменяются каждый год, не считаются.

— Если взглянуть с чисто эстетической точки зрения, то далеко искать не требуется, — меланхолично заметила Маркетта. — Неужели можно найти кого-то лучше, чем...

— ...Конечно! — перебила ее Цирцея. — Как мне сразу в голову не пришло?...

— И, между прочим, самая что ни на есть принцесса, — добавила Элиза. — Признаюсь вам, девочки, к ней даже я не осмелилась бы ревновать.

Ага, кажется, даже я догадался. Впрочем, если я прав, то это не моя заслуга, а Алисы.

— ...Чем Грегори́ка Тюдор, — договорила, наконец, Маркетта. — По-моему, более идеальной пары и представить себе нельзя. Ужасно жаль, что они родные брат и сестра.

— Еще бы! — вздохнула Элиза. — Ах, как дивно они смотрелись бы на тронах, рядом друг с другом, с венцами на золотых волосах...

— Предлагаю объявить общенациональный референдум и реставрировать монархию, — деловито подытожила Маркетта.

— Мадемуазель Дюранд, позвольте позвать

вашу мужественную... то есть женственную руку!.. — воскликнула Алиса, вскочила и, перегнувшись через столик и схватив тонкую ручку черноволосой подруги, с преувеличенным поклоном затрясла ее.

Она явно перестаралась — замочек на серебряном часовом браслете, случайно прижатый пальцем, расстегнулся, и наручные часики, сверкнув стеклышком, булькнули в кофейник, на котором почему-то не оказалось крышки.

Я уже приготовился хохотнуть, но, судя по тому, как Маркетта ахнула, и, изменившись в лице, вырвала руку и схватила кофейник, ей было совершенно не до смеха. Заглянув внутрь, она застонала, и, кажется, уже готова была в отчаянии запустить в горячую черную жидкость тонкие белые пальчики, когда я быстро протянул щипцы для сахара.

— Прошу.

Подобная услужливость не в моем стиле, но, если вспомнить, кто именно оставил кофейник незакрытым...

— С-спасибо... — секунду спустя утопшие часики вернулись на свет божий, обтекая ароматной кофейной жижей. Хозяйка торопливо вытерла их салфеткой, поднесла к дивно очерченному белоснежному ушку, потрясла, покрутила заводную головку — тщетно. Секундная стрелка безнадежно

замерла.

— П-прости, пожалуйста... — неловко проговорила Алиса. — Я не... я не хотела...

Теперь на глазах мадемуазель Дюранд уже отчетливо блеснули слезы.

— Я прошу, но что с того толку!.. Ведь это подарок отца... на прощание...

Даже я слышал печальную историю о том, как быстро туберкулез свел в могилу известного литератора, Марсея Дюранда. Господи, Алиса, как можно быть такой неуклюжей?

— ...Какой ужас, — потрясенно пробормотала Элиза. — Представляю, как там слиплись все пружинки. Кофе — это же оружие массового поражения, не хуже гардариканского. Стоит посадить пятно на светлый шелк, и платье можно выкидывать, даже самые опытные прачки не возьмутся отстирать.

— Маркетта, милая, мне так... так жалко.

С ужасом осознав, наконец, что именно натворила, Алиса беспомощно огляделась, и почему-то уставилась на меня. Я отвел взгляд. Не хватало еще встречать — потом еще и виноватым окажешься.

— Золтик, ты же починил матушкины часы, когда братишка смазал их сливочным маслом с крошками. И тебе было-то всего тринадцать лет.

Ну вот, начинается.

— Тогда у меня были инструменты, кальцинированная сода и вибротрясающая машинка для мойки.

— Но у тебя же всегда в кармане железочки и отверточки, — сложив ладони, Алиса заговорила настолько жалостливо, что растопила бы самое ледяное сердце. Но я решил проявить твердость. Если сама виновата, то сама и расхлебывай... или готовься заплатить настоящую цену. Правда, ситуация начала ухудшаться — Маркетта, оставив бесплодные попытки реанимировать часики, тоже подняла на меня полные слез глаза.

— Отвертки отвертками, но я не настоящий часовых дел мастер. Механизм тут тонкий, а кофе, между прочим — мокко, с шоколадом. Никаких гарантий. Лучше отдать профессиональному часовщику. Хотя... за пару дней шоколад так схватится, что и ему придется постараться...

— Ну, пожалуйста, Золтик, — заныла Алиса. — Что тебе стоит? Ты же умеешь, не вредничай! Цену набиваешь? Благородный человек, между прочим, так никогда не поступит, не откажется спасти терпящую бедствие леди!

— Ага, вот так и знал, — скривился я. — Немедленно начинаются упреки. В тот раз, между прочим, тоже был настоящий шантаж. Забыла, чем грозила, если не починю мамочкины часы, которые ты бросила где попало? А я вот прекрасно помню.

Еще бы. Мне пришлось подчиниться, иначе весь мир узнал бы о том, чей именно ракетный снаряд разбил стекло в торцевой стенке цветочной оранжереи соседской усадьбы, просвистел двадцать ярдов внутри и вылетел наружу вместе со вторым стеклом. Обратите внимание, точка старта находилась в сорока ярдах восточнее оранжереи — таким достижением реально можно было гордиться. Но тогда мне пришлось претерпеть немалые унижения, ведь опасная тема поднималась еще трижды, и всякий раз приходилось расплачиваться, чтобы не допустить ненужной огласки и не расстроить матушку Алисы, которую я и по сей день очень и очень уважаю. Нет, сейчас Алиска так просто не отделается. Не хотелось бы представлять перед ее однокурсницами человеком черствым и жестоким, но справедливость должна быть восстановлена, а рыжее чудовище — понести заслуженную кару. К тому же, чего стесняться, подружкам не впервой наблюдать наши жаркие стычки. Алиске придется, как следует, постараться, чтобы меня разжалобить. Что бы такого полезного или приятного потребовать в качестве выкупа?

— Ха, так я и знала! — словно прочитав мои мысли, Алиса моментально оставила жалобный тон и уперла руки в боки. — Да ты, наверное, уже и не сможешь! Я в курсе, что в последнее время у тебя разрушительная деятельность получается гораздо

лучше, чем созидательная. Даже твоя мамочка мне недавно призналась, что оставила последние надежды на твое исправление после череды взрывов и пожаров твоих жутких колесных и гусеничных колымаг. Так что ничего ты не можешь, только щеки пучить!

— Это я не могу?! Я-то, между прочим, запросто, а вот ты пойдй, поищи другого дурачка, чтобы трудился на тебя бесплатно!

— И во сколько же ты оцениваешь свои услуги, профессор кислых щей?!

— Тебя на них не хватит, не беспокойся!..

Нашу перепалку прервал робкий голос Маркетты:

— П-простите, господин Немирович... мне ужасно неловко просить вас о таком одолжении... но все же, если бы вы были так любезны...

— Мадемуазель Дюранд, вы кладете меня на лопатки. Конечно, отказать вам немислимо, но, умоляю, не лишайте меня возможности получить моральное удовлетворение. Рыжая негодница в печенках сидит, и я уже предвкушал, как стребую с нее в качестве компенсации какой-нибудь полновесный фант...

Маркетта жестом остановила возмущенно вскинувшуюся Алису. Видимо, уже поняла, что дорогие ее сердцу часики можно спасти, и немного успокоилась.

— Но это ведь я прошу вас об услуге, и справедливо будет взыскать фант с меня, не так ли? Поверьте, если бы это были обычные часы, я бы не стала надоедать...

— Нет-нет, я прекрасно понимаю. И все же, взыскивать с вас, а не с истинной виновницы происшествия?... Хм, но не могу же я потребовать того же, чего от Алисы... а, смотрите, смотрите, как она трепещет! Слышит тяжкие шаги правосудия!

— Пфе! — презрительно фыркнула Алиса. — Нашелся правосудец. Не вздумай идти на поводу, Маркетта. С него станется потребовать, чтобы ты вычистила ему шпиглеты, заштопала сорочку или еще чего похуже. И не вздумай расплачиваться авансом! Я вот далеко не уверена, что он взаправду сумеет починить часы, а не просто хвастается.

— Если господин Немирович меня спасет, я готова на все! — пылко воскликнула Маркетта. — Пусть даже служить в роли невольницы с опахалом!..

«Ловлю на слове, любезная мадемуазель!» — чуть не сорвалось у меня с языка. Маркетта чудесно смотрелась бы в блестящих монистах и полупрозрачных шароварах, приличествующих невольницам султана — намного, намного лучше тощей Алиски. Хм, может быть, воспользоваться случаем, раз девушка готова на все?

— Вы так распалили мое воображение, что

отказаться невозможно... — начал я, но Алиса, с притворным ужасом прижав ладони к щекам, перебила:

— ...Беги, спасайся, Кетти! Сейчас он потребует у тебя поцелуй!..

Вот чертовка!.. Отличная же мысль! Может быть, так и поступить? Помимо того, что мадемуазель Дюранд очень мила, разве можно придумать лучший способ позлить рыжую нахалку?

Порозовев от смущения, Маркетта, тем не менее, взмолилась, изломив изящные брови:

— Согласна!.. Все, что угодно!

Я поднял ладонь, останавливая ее.

— Ни слова больше.

— Так вы поможете?!

— Обязательно. Смотрите и удивляйтесь.

Приняв у Маркетты часики, источающие чарующий кофейный аромат, я разложил их на чистой салфетке и вынул из кармана старый и верный инструмент. В ручках компактных складных плоскогубцев пряталось множество полезных устройств, из которых для начала мне потребовалась маленькая плоская отверточка. Вставив ее в паз, я сдвинул с места и провернул тыльную крышку. Жалкое зрелище — мелкие колесики и маховички увязли в кофейных разводах и слиплись. Вынув из корпуса механизм, я осторожно снял стрелки и циферблат, затянул

циферблатные винты и вынул треугольничек баланса. Точным движением отвертки отцепил кончик заводной пружины и распустил ее.

— Так-с, теперь нужен реагент для чистки.

— Реагент? — подняла брови Маркетта. — Какой же?

— Довольно распространённый, — усмехнулся я. — Водка.

— И где же ты ее возьмешь на дирижабле? — недобро поинтересовалась Алиса. — Наверное, забыл, что крепче вина в буфете ничего не найти? Ох, Золтик, и уселся ты в лужу.

— Трудно представить, чтобы в клубе джентльменов не нашлось виски, — осторожно заметила Цирцея.

— Туда-то и стоит заглянуть для начала, — кивнул я. — Хотя ни бурбон, ни скотч не подойдут, нужна именно водка, поскольку в ней минимальное количество примесей. Леди, я отправляюсь на поиски, так что вам придется некоторое время подождать.

— Я тоже! — вскочила Алиса. — Надо же увидеть, как ты потерпишь поражение.

— Пойдем. Возможно, и в самом деле будет на что посмотреть.

Спрашивать в зале ресторана было бессмысленно — Алиса хорошо знала местные правила. Естественно, никто не стал бы

благосклонно взирать на студентов, хлещущих крепкие напитки, и здесь подобный алкоголь был полностью исключен. Однако поинтересоваться в мужском клубе стоило — традиции позволяли надеяться.

Увы, когда я подсел к Бернару, с комфортом устроившемуся в кожаном кресле, и поинтересовался, ответ был разочаровывающим.

— Водка? Ты что, здесь даже виски не найти. Исключительно коньяк, и исключительно свой собственный. Правилами не одобряется, конечно, но если душа горит... — он вытащил из внутреннего кармана характерно плоскую фляжечку.

— Нет, нужна именно водка.

— Плебейские же у тебя вкусы... но тогда — терпи до твердой земли. Буфет такого не держит, да и в личных запасах благородных господ едва ли найдется. Да, если насчет кокаина, то можешь не спрашивать — не моя специализация.

— Не буду.

— Точно не хочешь коньячку? Я тут чудесно, знаешь ли, расслабляюсь. В компании с моими крошками.

— Какими? Почему-то не вижу за твоим столиком ни нефтяных королей, ни железнодорожных магнатов.

— Да кому они нужны?... Ты взгляни сюда! — раскрасневшийся Бернар сунул мне глянцевого журнала. — Видел когда-нибудь такую полиграфию? Высший сорт!

Бумага и вправду была выше всяких похвал. То, что на ней — тоже. С первого взгляда печатное издание можно было принять за журнал мод, судя по роскошному, белоснежному с золотом платью на златовласой красотке. Правда, уже на следующем развороте она принялась от него избавляться, являя свету обольстительные формы. Выпавшие из корсета груди выглядели неестественно пышными, но в длинных золотых волосах с заплетенной над правым ухом тонкой косичкой и гордой посадке головы было что-то смутно знакомое. Бернар растянул губы в ухмылочке.

— Хе-хе, юристам дома Тюдоров впору обращаться с исками для выплаты причитающейся по праву роялти.

— Не понял. При чем тут императорская фамилия, отрекшаяся от престола полвека назад?

— Я имел в виду, что за использование образа младшей наследницы уже пора собирать денежки. Ну, знаешь, секс-символ, как это сейчас называется. «Принцессы» вообще стали вдруг чрезвычайно популярны. В натуре, правда, наследница выглядит еще лучше. Между прочим, нам выпало счастье полюбоваться вживую... в реальности она и

стройнее, и недоступнее — а это, сам понимаешь, лишь добавляет аппетита. Ах, эти строгие глаза, ах, этот гордый взгляд!..

— Вообще-то, я спрашивал про водку, а не про порно... тьфу, полиграфию. Нет надобности выкатывать всю линейку человеческих пороков. Ладно, продолжу поиски. И Алиса уже заждалась...

Поднявшись, я направился к выходу, где на недоступной границе мужского царства маялась моя спутница.

— Нету? А я что тебе говорила? Ой-ой-ой, но что же теперь делать? — она схватилась за голову. — Ужжжасно неловко перед Маркеттой. Как же я так опростоволосилась? И еще ты лезешь некстати, будишь напрасные надежды. Если не получится починить, как я буду смотреть ей в глаза?... Да стой же, куда ты? Подожди! И что это за надпись? «Вход закрыт»... так куда же ты лезешь... ай!..

Не говоря ни слова, я втокнул ее в неприметную дверцу, прятавшуюся на украшенной многоцветной шелкографией переборке.

Роскошный мир пассажирских палуб дирижабля оказался за спиной, и нашим взглядам предстал утилитарный технический тамбур, тускло освещенный пыльным плафоном. Короткий трап вел вверх, заканчиваясь люком. Я поднялся, толкнул тяжелую крышку и выбрался вверх, затем

вташил Алису, уцепившуюся за протянутую руку.

— А-а-а-ах... — подняв глаза, она замерла на месте.

Это была действительно величественная картина. Мы стояли на узком металлическом переходе с решетчатым полом, уходящем в полумрак направо и налево. Над головами и по сторонам на недостижимую взгляду высоту уходили перевернутые конусы наполненных газом гигантских баллонов из прорезиненного шелка, соприкасающиеся боками где-то высоко-высоко. Между ними едва угадывались тоненькие ажурные элементы продольного и поперечного набора, и сходящаяся к центральным силовым кольцам паутина тонких тросов. Дюралюминиевые балки едва слышно поскрипывали под давлением шелковых баллонов, которые в нашем ракурсе представлялись величественными колоннами. Каждый из них оказался бы выше шпиля колокольни главного комплекса Йельского колледжа. Решетчатое покрытие под ногами слабо вибрировало, передавая отдаленный гул мощных двигателей. Холодный сквозняк, несущий запах смазки и металла, взъерошил волосы. Под настилом что-то таинственно шипело — пневматический привод? Контраст холодного и гулкового, напоминающего готический собор царства техники

с роскошными, но ощутимо искусственными пассажирскими палубами, которые мы только что покинули, заставил в ошеломлении умолкнуть.

— Н-невероятно, — выдохнула Алиса, наконец, обретя дар речи. Ее потемневшие от волнения зеленые глаза приняли выражение, которое мне давно уже не встречалось. — Я и представить себе не могла... что находится по другую сторону...

— Небесную механику? Помнишь, как у Босха, шестерни за свернувшимся в трубочку краем небосвода? Да, мы чаще всего не задумываемся о том, что находится даже за стенкой, не то, что над головами.

— Даже трудно представить, что это построили люди... словно дворец паровых титанов.

— Это называется стимпанк. Модное словечко, недавно слышал, но не совсем понял его этимологию. Но вообще-то мы поднялись сюда не только для того, чтобы поразиться величию человеческого конструкторского гения. Надо поймать какого-нибудь из мелких прислужников титанов... ага, вот и он.

По узкому килевому проходу торопливо шагал, грохоча тяжелыми ботинками, матрос палубной команды дирижабля в голубой форменке с воротником гюйсом. На бескозырке смешно подпрыгивал бордовый помпон. Увидав нас, он

сначала присвистнул, потом широко усмехнулся.

— Милостивые господа студенты, если вы пообниматься собрались, то лучше в тамбур возвратиться. Мне-то не жалко, а вот пойдет боцман, начнет сердчать, надает за вас оплеух.

Алиса, слегка зардевшись, быстро отпустила мою руку, которую, оказывается, все это время крепко сжимала. Отбросив неуместную мысль о том, что я так привык к ней, что совершенно этого не замечал, я взял быка за рога.

— Нет, служивый, потискаться мы и внизу можем. А сюда по серьезному делу.

Он удивленно вытаращил глаза. Действительно, какое дело может быть у барчука из высокородных пассажиров до серой матросской скотинки?

— И дело, соответственно, такое, — я заговорщицки понизил голос. — До меня дошли подтвержденные сведения о том, что антиобледенительная система омывания стекол ходовой рубки «Олимпиака» заправлена тремястами литрами чистого спирта.

На лице матроса немедленно возникло уважение перед подобными техническими знаниями и деловитостью.

— Сам понимаешь, служивый, две недели сухого закона — это издевательство. Так что был бы премного обязан, если бы и мне перепала малая

толика. Скажем, четвертушка. Окей?

Серебряный шиллинг, который слабо блеснул в колечке моих пальцев, оказал воистину гипнотическое действие.

— Две минуты, вашблагородие! — матрос повернулся кругом и припустил так, что только пятки засверкали. Проводив его взглядом, Алиса пробурчала:

— Каждый раз, когда передо мной открывается новая ступенька твоего морального падения, я считаю ее последней... и ошибаюсь.

— Крепись. Даже я не знаю, где нижняя площадка, — покровительственно похлопав ее по плечу, заявил я.

Пять минут спустя мы снова сидели за тем же самым столиком в ресторане. Поставив в ряд три чашечки на блюдцах, я разделил между ними прозрачную жидкость из бутылки зеленого стекла. Судя по отсутствию запаха, спирт не был испорчен глицерином, что, безусловно, было на пользу делу. Сначала «грязный» раствор. Подхватив часовой механизм испытанным, незаменимым пинцетом, также вынутым из рукоятки плоскогубцев, я опустил его в спирт и крутанул чашечку так, что она завертелась на блюдце, словно юла. Спирт, в котором струились кофейные разводы, запенился. Когда жидкость потемнела, я вынул механизм,

продул, и перешел ко второй чашечке. Здесь кофейный оттенок был уже едва-едва заметен, а в третьей чашечке спирт остался совершенно чистым. Поднеся механизм к включенной электрической лампе, висевшей над столиком, я оставил его прогреться и сушиться, после чего аккуратно промыл и корпус. Осталось вставить механизм обратно, собрать баланс и циферблат и вставить пружину.

Несколько оборотов заводного колесика, и секундная стрелка исправно двинулась по своему круговому пути под восхищенное аханье зрительниц. Выставив время по своим собственным часам, я с поклоном вручил часики Маркетте, на глазах которой блеснули слезы — теперь уже радостные. Приняв свою драгоценность обеими руками, она прижала ее к щеке, и дрогнувшим голосом проговорила:

— Я так... так вам признательна... господин Немирович! Вы не представляете, какой камень сняли у меня с груди...

Какие проблемы? С такой прекрасной, рельефной груди я готов снять любой камень, да и вообще, все что угодно! Помнится, речь даже зашла о поцелуе. Эх, поймать бы черноволосую красавицу на слове... но джентльмену не пристало, конечно...

— Чем же... чем же я смогу вас отблагодарить?... — она смущенно опустила

счастливые глаза.

— Как чем? Вы ведь уже договорились!.. —
вдруг раздалось над ухом.

— Э?!

— Надо только найти уединенное местечко.

Я почувствовал, что меня неожиданно подхватили под руки. Цирцея и Алиса, лучась подозрительно радостными улыбочками, вынули меня из-за столика и стремительно повлекли в душистые заросли рододендронов. Черт, я же видел, как они шушукались о чем-то втроем. Что они задумали? Погодите... неужели?...

Вытаращив глаза, я заворуженно смотрел, как Элиза деловито подталкивает в спину зардевшуюся Маркетту вслед за нами.

Нет. Постойте. Я как-то не совсем готов. Шутки шутками, и она мне нравится, конечно... но я вовсе не думал серьезно о том, чтобы сейчас ухаживать за Маркеттой... или за кем-то другим. Да и вообще, я бы предпочел действовать по собственной инициативе, а не так...

Цирцея наклонилась ближе, щекоча ухо жарким дыханием:

— Господин Немирович, нет... Золтан — вы ведь разрешите вас так называть?

— Д-да сколько угодно...

— Она невероятно благодарна, но смущается. Как благородный человек, вы наверняка будете не

против, если мы завяжем глаза? Пожалуйста!.. Ради чести прекрасной дамы!

— Ну-у... если ради чести...

Черт, как-то это непривычно. И жалко, если честно. Маркетта так чудесно покраснела... а-а-а, куда деваться. С другой стороны, в поцелуе с завязанными глазами есть что-то еще более интригующее, чтобы не сказать декадентское... не то, чтобы я был сторонником извращений, но... хм...

Упала темнота. Шелковый шарфик, источающий аромат ландыша, мягко, ласкаяще лег на лицо. Подружки выпустили мои локти, оставив стоять, слегка потеряв ориентацию, с неловко расставленными в стороны руками. Что же с ними делать? Заложить за спину? Будет выглядеть по-дурачки, скованно и формально. Попробовать протянуть вперед... но не напугаю ли я девушку демонстрацией хватательного инстинкта? Нет, лучше не стоит. Кто я, чтобы ее обнимать? Что я вообще сделал такого? Удивительно, все же. Откуда подобный энтузиазм? Не могу сказать, чтобы я строил ей глазки или даже завуалированно намекал, да и Маркетта никогда не выделяла меня среди других. Странное какое-то ощущение... возбуждение, удивление... и тяжесть застарелой вины, конечно же. Мда, от нее никуда не деться... хотя миновало уже три года...

Панически бегущие мысли прервал быстрый шепот, непонятная возня и шуршание. Не понимая, что происходит, я инстинктивно пошевелил головой, пытаюсь определить направление, но в этот самый миг в мои губы неловко ткнулось что-то мягкое и теплое. Вздогнув от неожиданности, я, тем не менее, постарался держать марку — не отпрыгнул назад и не заорал, а, наоборот, постарался ответить на поцелуй. Строго, решительно и непреклонно, по-мужски. Нет, конечно, я не хотел пугать Маркетту, но и мямлей выглядеть было бы неприлично. Правда, рукам я так воли и не дал, что стоило значительных усилий. Боюсь, для зрителей мои хищно шевелящиеся пальцы представляли собой довольно пикантную картинку.

Впрочем, невидимая визави вряд ли имела время, чтобы отвлекаться. Мягкие губы дрогнули, словно пытаюсь спастись — этого я, конечно же, ни в коем случае не мог позволить, и слегка подался вперед. Легкий вздох, шуршание платья... и она ответила на поцелуй, с заметным трудом преодолев стыдливость, и уже не пытаюсь отстраниться. Мало того, я неожиданно, но совершенно отчетливо осознал, что эти теплые и нежные губы со слабым шоколадным вкусом совершенно не желают расставаться с моими. Это была не шутка, не игра, не стыдливое и неловкое выполнение опрометчиво

данного обещания, но неподдельное, чистое и искреннее чувство.

Не может быть. Откуда?... Маркетта дружески улыбалась мне и не раз участвовала в шутливых пикировках, но ни разу не дала почувствовать... заметить хоть след этого пыла. Неужели такое возможно? Разве она могла так ловко скрывать свои чувства?

Постойте, это уже становится попросту неприлично. Легкие смешки и шушуканье зрительниц, наслаждающихся романтической картиной, потрясенно стихли — видимо, они и сами не ожидали такого результата. Боже мой, но и я не хочу... нет, просто не могу оторваться от нее... Это тепло, это нежное дыхание, этот знакомый аромат... Аромат?... Постойте, благоухание яблок, напоминающее о знойном летнем дне со звенящей в нестерпимо ярком летнем небе тишиной, нарушаемой лишь слабым жужжанием пчел и шелестом листьев старого сада... я прекрасно его знал. Лучше всех запахов на свете. Я вырос вместе с ним.

Вот в чем, оказывается, дело. Да, в общем-то, это было совершенно логично. Чтобы окончательно убедиться, я, не прерывая поцелуя, осторожно согнул правую руку и мягко, нежно двинул вперед ладонь, сложенную чашечкой. Именно там, где я ожидал, с точностью до миллиметра, ее остановила

упругая преграда, коротко прошуршавшая шелком. Надо сказать, чтобы полностью наполнить ладонь, ее не хватило.

— Ах!..

Испуганно вздохнув, девушка, которую я целовал, отшатнулась прочь. Криво усмехнувшись, я стащил с глаз повязку. Да, все было именно так, как и предполагалось.

Прямо перед моим лицом оказались потемневшие, полные смятения зеленые глаза Алисы. Ее крепко держали за руки Цирцея и Элиза, чтобы не сбежала. Тоже слегка покраснев, они отводили взгляды. Из-за их спин, прижав ладонь ко рту, расширенными глазами смотрела Маркетта. Повисло неловкое молчание.

— С-справедливость восторжествовала!.. — заявила, наконец, Цирцея, выпуская Алису. — Простите, Золтан, но мы решили, что место у рампы по праву принадлежит главной виновнице происшествия.

— Подруги, называется!.. — со слезами в голосе воскликнула Алиса, вырываясь из их рук. Потом пронзила меня яростным взглядом. — А ты... ты...

Звонкая пощечина заставила меня отшатнуться. Треск раскатился окрест, заставив головы за соседними столиками синхронно повернуться в нашу сторону. Алиса, закрыв лицо

руками, бросилась бежать, не разбирая дороги.

Попавшаяся ей на пути невысокая девушка в круглых очках, с темно-каштановыми волосами, заплетенными в растрепанную косу — эталонная отличница с виду — испуганно шарахнулась в сторону, споткнулась, неуклюже попыталась опереться рукой на наш столик, чтобы удержаться на ногах... и вылила весь остывший кофе из многострадального кофейника на китоновское форменное платье. На этот раз без остатка.

— Ой!.. — студентка приземлилась на пол, довольно сильно ударившись. Ресницы за круглыми стеклышками очков мгновенно набухли слезами.

Потирая горящую щеку левой рукой, я шагнул вперед и машинально-вежливо подал руку несчастной, подняв ее на ноги. Но глаза мои невольно возвращались к зарослям рододендронов, за которыми скрылась Алиса.

Ошеломление все не проходило.

Нет, конечно, умом я понимал, что верной подруге детства уже исполнилось девятнадцать лет. Но, говоря искренне, был совершенно неспособен воспринимать ее как-то иначе, чем тощую конопатую пацанку с растрепанным нимбом огненно-рыжих волос в сандалиях на босу ногу и коротких штанишках — точно таких же, что я сам носил пяти лет от роду. Образ залиvisto хохочущей Алиски — вниз головой повисшей на яблонево

ветке рядом со мной, шлепающей босиком по ручью или увлеченно швыряющей в меня репейниками — снова встал перед глазами.

Строго говоря, она не всегда была такой. Когда Кларисса Саффолк, супруга приобретшего соседское поместье известного юриста, впервые нанесла матери визит вежливости, моим глазам предстала девочка в смешном розовом платьице. Сделав вымученный книксен, она дичилась еще ровно пять минут. Но стоило нашим родительницам милостиво отпустить детишек погулять в саду, как ее хитрая щербатая улыбка немедленно дала понять, что время одиноких игр с самим собой закончилось. Самозабвенные салочки в розовых кустах завершились с одной стороны плачевно — тетья Кларисса пришла в ужас, увидав, что дочь сумела сотворить со своим нарядом всего за полчаса — а с другой стороны, вполне счастливо. Не склонная к лишним строгостям, она уже назавтра отпустила Алису поиграть, милостиво согласившись с ее доводами о том, какую одежду следует считать подходящей. Конечно же, простую и функциональную, в точности как у маленького Золтана. Следующие восемь лет у меня не было проблем, когда требовалась соратница по приключениям. Конечно, иногда Алиске приходила в голову блажь приодеться и расфуфыриться по-девчачьи, но мои насмешки быстро возвращали

ее в обычный вид — и на меня обрушивалась заслуженная месть.

Время не остановить — в какой-то момент рыжая окончательно перешла на платья. Для меня это стало в некотором роде неожиданностью, особенно, когда я вернулся из первой четырехмесячной экспедиции из тех, в которые меня начал брать отец. Новая Алиса изменилась — надо признать, похорошела. Но я прекрасно знал, что внутри нее скрывается все тот же самый озорной и ехидный чертенок, с которым надо держать ухо востро. Какая романтика, прости господи?! Со временем меня тоже начали интересоваться девочки, я задерживал взгляд на одноклассницах в гимназии и даже тайком вздыхал, но мне и в голову не могло прийти равнять с ними Алиску. Страшно даже представить, каким бескомпромиссным отпором и последующими издевательствами могла бы закончиться попытка подступиться к ней с «телячьими нежностями». Уж она бы сполна отыгралась на мне за те операции в нашей бесконечной войне, которые обернулись в мою пользу, и которыми я по праву гордился.

Но, постойте... что тогда мог означать этот злосчастный поцелуй? Ладно, я ничего не видел, и был уверен, что имею дело с Маркеттой — о, да, слишком наивная надежда, признаю. Но почему же тогда Алиса, со своей стороны, не устроила шум,

даже если представить, что она физически не могла вырваться из рук коварных подружек? Ее звонкий голосок мертвого подымет, мне ли не знать. Не могли же они вставить ей кляп? В то же время, представить, что Алиса вдруг воспылала ко мне горячей любовью настолько, чтобы прилюдно целоваться, было совершенно немыслимо. Это настолько не вписывалось в ее характер... нет, я уже ничего не понимал. Разве только то, что рыжая подружка детства вдруг повернулась совершенно незнакомой стороной. Мда, это еще нужно будет обдумать.

Переполох не утих даже через несколько минут.

— Ах, п-п-простите... п-простите... простите... — повторяла дрожащим от смущения голосом жертва Алисы и собственной неловкости, пока ее вытирали салфетками. Как бы я ни был сбит с толку, все же машинально отметил, что бедняжка весьма мила — по своему, конечно. Невысокая, полногрудая, с белой, не знающей солнца кожей и большими очками, за которыми моргали огромные, полные слез глаза орехового цвета. Довольно толстая, хотя и растрепанная косичка свисала на грудь, выбившиеся каштановые прядки падали на высокий чистый лоб, розовые губы сложились в детски-обиженную гримаску. Поразительно, как

некоторым девушкам удается выглядеть настолько беззащитными. Может быть, специально?.. Впрочем, постойте. Какого черта я таращусь на совершеннейшую незнакомку из чужого колледжа, к которой не имею ни малейшего отношения? Встрепенувшись, словно со сна, и еще раз потеряв горящую щеку, я осмотрелся.

Алиса пропала. Ее подруги, неловко глядя в стороны, пытались извиниться, и, чтобы не действовать им на нервы, я уже собрался откланяться, когда раздавшееся за спиной цоканье каблучков заставило меня оглянуться.

Лицом к лицу со мной стояла незнакомая девушка в наклке и короткой, выше колен, черной униформе с белыми оборками. Официантка? Нет, у них совсем другие форменные наряды. И не стюардесса из тех, что обслуживают жилые палубы. Скорее, чья-то личная горничная. Но что она делает в ресторане? Впрочем, кто бы она ни оказалась, я бы непременно запомнил ее, если бы хоть раз встретил на борту дирижабля — даже случайно. Девушка была из тех, кто невольно останавливает на себе взгляд, сколь угодно ленивый и пресыщенный.

Горничная была высока ростом, дюйма на четыре выше меня... нет, постойте, она на высоких каблучках, значит, на самом деле, всего на дюйм. Стройная, длинноногая, прямые и странно светлые,

почти белые волосы стянуты в высоко поднятый густой пучок на затылке. Решительный и твердый, хотя приятно очерченный подбородок, широкий лоб и чуть приподнятые скулы. Холодные серые глаза смотрели на меня в упор из-под прямых бровей более темного, чем волосы, оттенка, и в них не чувствовалось ни следа подобострастности, свойственной горничным или официанткам.

— Соблаговолите пройти со мной, — проговорила она звучным голосом, в котором безошибочно чувствовалась сталь.

Это была не просьба — я понял моментально. Каким бы странным ни выглядело приглашение, почему-то не возникло ни малейшего сомнения в том, что отказ немислим. Что произойдет, если я все же пренебрегу приказом... то есть приглашением? Почему-то при одной мысли об этом по спине пробежал холодок.

Да и с какой стати отказываться? В конце концов, что тут такого? Подумаешь, какая-то незнакомая горничная, наверняка по просьбе своего хозяина приглашает меня... куда? Может быть, спросить?

Покосившись на удивленные лица подружек Алисы и столпившихся поодаль остальных зрителей, я понял, что едва ли смогу поинтересоваться достаточно небрежно и с приличествующим моему более высокому

социальному положению превосходством. Как бы голос не дал петуха... а опасливые расспросы заставят меня выглядеть вконец жалким и ничтожным.

Брови ожидающей ответа горничной сдвинулись, а взгляд, упершийся в характерный отпечаток на моей щеке, стал ледяным. Погодите, уж не думает ли она, что я из тех хлыщей, что имеют наглость прилюдно приставать к девушкам... боже мой, да она же наверняка видела, как я лапал Алису! Доказывай теперь, что то была сугубая случайность, и в мое обыкновение вовсе не входит...

Чувствуя, как начинают гореть уши, я смешался. Впрочем, сквозь стыд начало пробиваться раздражение. Нет, черт возьми, я никогда не одобрял тех, кто смотрит на прислугу свысока лишь в силу своего аристократического положения или, скажем, позволяет себе пощипывать горничных, не смеющих отбиваться. Но всему есть предел. Как можно одним лишь взглядом растереть человека, словно гусеницу? Дать понять, что она не ставит ни меня, ни прочих собравшихся, ни во что? Странно видеть такое, тем более на борту переполненного аристократами лайнера. Не удивился бы, если кто-то из спесивых дворян, задетых таким обращением, пожелал немедленно преподать гордячке соответствующий

урок... недаром же в последнее время появилось столько мэйдо-фетишистов. Нет, погодите, куда это меня понесло?!

Не знаю, прочитала ли горничная по глазам мои трусоватые и не очень приличные мысли, но она явно поняла, что возражений не будет. Не говоря больше ни слова, она резко повернулась, взмахнув высоко заколотым на затылке длинным светлым хвостом, и зашагала прочь, отчетливо щелкая острыми каблуками-шпильками. Словно загипнотизированный, я двинулся за ней. Взгляд невольно скользнул по тонкой талии, длинным ногам, точеным щиколоткам, изящным ступням с высоким подъемом... Удивительно красивая девушка.

Горничная быстро покинула ресторанный зал, и мне пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать. По правую руку открылось обширное пустое пространство — одна из главных архитектурно-дизайнерских изюминок конструкции «Олимпиака», «Хрустальный атриум» — зал, вмещавший стеклянный купол диаметром около двадцати ярдов. Не такой уж крупный размер, если брать наземную архитектуру, но расположенный на борту дирижабля, а, кроме того, еще и перевернутый, то есть направленный вершиной вниз... безусловно, купол впечатлял. Резкие

отблески хрустального стекла, отражающего закатное солнце, заставили прищуриться. Моя провожатая, не останавливаясь, спустилась вниз по начинающемуся в боковой стене атриума трапу.

Не могу пожаловаться, что подвержен страху высоты, но совершенно прозрачные ступеньки из стеклоблоков, ведущие на внешний балкон, опоясывающий купол снаружи примерно на половине его высоты — то бишь, глубины, конечно — заставили пальцы ног слегка поджаться. Конструкторы вложили немало умения в это сооружение, но для того, чтобы шагать над бездной по чисто вымытому прозрачному стеклу, требовались довольно крепкие нервы. Неудивительно, что этот циркульный балкон был наименее посещаемой частью пассажирской зоны воздушного лайнера. Честно говоря, я бы посоветовал уложить на пол хотя бы циновки.

Помещенный в прозрачную трубу трап завершился люком, ведущим наружу, на внешний балкон. Стоило горничной открыть его, как разбойный ветер взметнул волосы, заставив зажмуриться. Переступив комингс, я протянул руку и крепко взялся за алюминиевый поручень.

Накатившийся сверху гул винтов, совершенно неслышный на звукоизолированных пассажирских палубах, холодное дыхание высоты. Не отделенная ничем, зияющая, громадная пустота под ногами и

вокруг — это был совершенно иной мир. Я невольно потянул ноздрями воздух. Показалось, или в нем действительно чувствовался едва уловимый аромат хвои — привет раскинувшегося внизу лесного океана?

Солнце уже скатилось к линии горизонта и теперь плавило мир в красновато-оранжевом тигле. Силуэт девушки, облокотившейся на перила посреди балкона, казался на фоне закатного багрянца словно вырезанным из черной бумаги. Оторвав задумчивый взгляд от медленно прокручивающегося под ногами пейзажа, она повернула голову нам навстречу. Против света ее волосы казались совсем темными, но порыв ветра взметнул и заставил их засиять золотом, пересыпав сияющими искрами.

Беловолосая горничная поклонилась и сделала четкий шаг в сторону, замерев неподвижно, словно статуя. Я же поднял брови, узнав ту самую незнакомку в пембриджской форме, что сидела позади нас с Алисой на последней лекции.

Не зная, что сказать, я тоже молча поклонился и остановился в паре шагов от нее, ожидая развития событий и незаметно борясь с желанием снова схватиться за поручень.

Тонкие, четко прорисованные соболиные брови над зеленоватыми глазами нахмурились, пока незнакомка мерила меня оценивающим взглядом.